

1

Дура я, дура.

Никогда бы о себе так не сказала, но после всего, что я тут натворила...

Первый день в новой школе — и сразу всё насмарку!

Два часа назад, когда я только входила в школьный двор, солнышко светило, птички пели... ну, в животе, конечно, от страха ком величиной с Тасманию, но в остальном жизнь была прекрасна.

И вот я сижу взаперти, в стенном шкафу.

Кроме меня тут пылится только пачка экзаменационных работ и, судя по запаху, прошлогодний бутерброд с сыром.

Бедные исчерканные листочки, бедный ископаемый бутербродик, никому-то вы не нужны, а я и по-давно.

Хоть бы эти учителя прекратили стучать и кричать, чтоб я вышла. Я не хочу выходить. Хочу сидеть тут в темноте с верным другом-бутербродом.

Ну вот, теперь мисс Даннинг пытается открыть замок ножом из учительской. Другая учительница

ей говорит, чтоб она не порезалась. А директор беспокоится, чтобы не сломали казённый ножик.

Я всё-таки надеюсь, что мисс Даннинг не порежется. Она-то как раз была ко мне добра.

Когда я утром вошла в класс, у меня все поджилки дрожали, как телеграфные провода. А ребята на меня так и уставились. Хотя мы сюда уже неделю как переехали и я некоторых знала в лицо, но они всё равно таращились.

Нет, вообще-то я их понимаю. В этих маленьких городишках и поглазеть-то не на кого. Новички, которые ещё не освоились, да старички, что сидят слюни пускают, — вот и все местные развлечения.

Но мисс Даннинг держалась молодцом. Сказала всем, чтоб не пялились, а кто, мол, хорошие манеры дома позабыл, тому она самолично даст пинка. Тут все засмеялись. А когда она увидела у меня стопку писем, которые мы вчера с папой размножили на ксероксе, то заявила, что это отличная идея: просто и гениально, как пицца из микроволновки! И разрешила мне их раздать.

Я смотрела, как весь класс читает моё письмо, и волновалась. Мне-то оно нравилось, а вот понравится ли другим?

«Здравствуйте, — говорилось в письме, — меня зовут Ровена Бэтс. Вы, наверное, уже заметили, что я не могу разговаривать. Но это ничего, мы всё равно можем дружить, потому что я умею

писать, рисовать, кивать и мотать головой, показывать пальцем, морщить нос, и ещё я говорю на языке глухонемых. Раньше я училась в специальной школе, но правительство её закрыло. Говорить как все я не могу потому, что у меня чего-то там не хватает в гортани (не пугайтесь, шея у меня не дырявая и не протекает). А так вообще я нормальный человек, люблю читать, смотреть телек и водить папин трактор. Надеюсь, что мы подружимся.

Искренне ваша,
Ровена Бэтс».

Я это письмо вчера часа два сочиняла, не считая споров с папой насчёт орфографии. И мне было приятно, что многие ребята прочли его от начала до конца.

Некоторые при этом улыбались.

Некоторые даже смеялись, но так, необходимо.

А некоторые ухмылялись и подталкивали друг дружку локтями.

— Итак, — скомандовала мисс Даннинг, — давайте все вместе скажем Ровене «привет».

— Привет, Ровена, — хором пропел класс, и я подумала: ну что уж она с ними как с маленькими. Но она, конечно, хотела как лучше.

В ответ я растянула рот до ушей, хотя проклятая Тасмания уже подкатывала к горлу.

Я заметила, что кое-кто из ребят к хору

не присоединился и поглядывал на меня с ехидной усмешкой.

Среди них был мальчишка с рыжими волосами и ярко-красным ртом, он ухмылялся особенно про- тивно, и я подумала: с этим придётся быть начеку.

— Ну что ж, — сказала мисс Даннинг, усадив меня рядом с беловолосой девочкой, которая всё ещё читала моё письмо и только-только дошла до середины, — кто сегодня дежурный по лягушкам?

И она посмотрела на график, прикреплённый к стене над аквариумом, в котором копошились зелёные лягушата.

— Дэррин Пек! — объявила она, и рыжий мальчишка вылез из-за парты и с важным видом прошествовал к аквариуму.

— Чисть хорошенько, — погрозила ему мисс Даннинг, — не то я тебя им скормлю.

Мы все засмеялись, а Дэррин Пек сделал за спиной учительницы неприличный жест. Кое-кто снова засмеялся, и мисс Даннинг обернулась было к Дэррину, но тут в класс заглянула какая-то женщина и позвала её к телефону.

— Попрошу без клоунады, — сказала мисс Даннинг, внимательно посмотрев на Дэррина Пека, — а вы пока почитайте, я сейчас вернусь.

Как только она вышла, Дэррин начал кривляться.

— Я знаю язык жестов, — заявил он, глядя прямо на меня, и выставил средний палец, как раньше за спиной мисс Даннинг.

Примерно полкласса засмеялось.

Я решила не обращать на него внимания.

Моя соседка по парте всё ещё корпела над письмом. Линейка, которой она водила по строчкам, застряла на слове «искренне».

Я достала ручку, придвинулась к ней и, зачеркнув «искренне», написала рядом «без дураков». Она ещё немного пошевелила губами, потом подняла на меня глаза и улыбнулась.

— Ровена Бэтс, ну и фамилия, — не унимался Дэррин. — Ровена из семейства летучих мышей! Летаешь по ночам, как Бэтмен, и сосёшь кровь?

Почти никто не засмеялся. Ну ещё бы! Знала я ребят с глубокой умственной отсталостью, так любой из них сострил бы получше.

Я хотела было поинтересоваться, как называется родовое гнездо семейства Пек, — вероятно, *Пекло*? — но вовремя вспомнила, что руками я здесь никому ничего не втолкую, а отругиваться на бумаге — слишком долго.

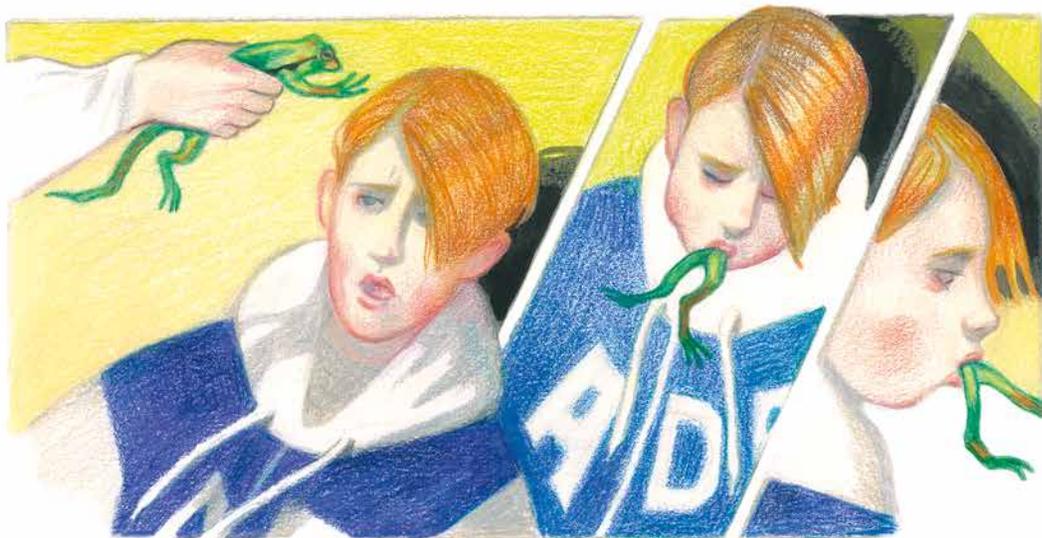
— Мои родичи тебя бы просто обожали, — паясничал Дэррин, — они только и мечтают, чтобы я наконец заткнулся!

Никто не смеялся.

Дэррин больше не имел успеха у публики.

Мне бы и дальше не обращать на него внимания, ведь я, считай, победила! Повернуться бы, например, к соседке, которая так медленно читает, и обменяться с ней адресами, почему бы и нет?

Дура я потому что. Безголосая и безмозглая.

— Твои папочка с мамочкой небось довольны, — разорялся Дэррин Пек, — что у них растёт такое чудо природы? Или они думают, что так и надо, потому что сами такие?

8

Вот это он зря.

Папа-то может за себя постоять, но мама умерла, когда я родилась, и я очень сержусь, если кто-то говорит о ней гадости.

Я здорово рассердилась.

В Тасмании началось извержение всех вулканов, и в голове у меня забурлила раскалённая лава.

Одним прыжком я пересекла комнату, выхватила лягушку, которую держал в руке Дэррин Пек, свободной рукой сдавила ему щёки, так что его красногубый рот сам собой раскрылся, и запихала туда лягушку. Потом, схватив с учительского стола моток клейкой ленты, я обмотала её для прочности

вокруг его рыжей башки — в несколько слоёв, пока моток не закончился.

Несколько секунд все глазели на меня, оцепенев от ужаса и разинув рты. Затем рты дружно захлопнулись.

Лава в голове начала остывать. Дэррин Пек давился и булькал, а все остальные молча пятились от меня и вжимались в стенки. И тут до меня наконец дошло.

Что я наделала!

Никогда, никогда не будет у меня здесь ни одного друга.

Я выбежала из класса, пронеслась по коридору мимо перепуганной мисс Даннинг и увидела этот шкаф. Ключ торчал снаружи, я его выдернула, захлопнула за собой дверь и заперлась изнутри.

Ну и воняет же тут!

Вряд ли это бутерброд с сыром, скорей уж дохлая лягушка.

Всё равно не открою.

Буду сидеть в темноте и представлять, как будто я опять в старой школе и кругом все свои.

Только вот учителя в коридоре мешают. Бегают туда-сюда, переговариваются, покрикивают на ребят, чтобы те не выходили из классов.

Мисс Даннинг только что звонила папе, а директор спрашивал учителей, у кого в багажнике есть ломик.

Вроде бы ни у кого. Или они не признаются.

И я их понимаю. Охота была тащиться на стоянку, отпирать машину — ради какой-то дурацкой девчонки, которую уже вся школа ненавидит.

2

Папа явился вовремя.

Я уж было совсем отчаялась. Мне было тошно от вони, жалко мисс Даннинг, которая не отлипла от двери и всё умоляла меня выйти, и вдобавок страшно, потому что где-то совсем рядом включили электродрель.

Но я не могла заставить себя открыть дверь и очутиться лицом к лицу с толпой перепуганных школьников.

И рассерженных учителей.

И с директором, мистером Фаулером, который ободрал себе костяшки пальцев, пытаясь взломать дверь скоросшивателем.

Я же была совсем одна.

И тут во двор въехал грузовик.

Никогда ещё я так не радовалась дребезжанию заднего борта. Он у нас дребезжит от вибрации с тех самых пор, как папа заменил старый двигатель на новый, с турбонаддувом и дополнительным выхлопом.

В коридоре опять заговорили, забегали, а потом мисс Даннинг снова меня окликнула: